Заберите меня домой

Автор:
Тамара Умбетова

Заберите меня домой

Тамара Умбетова

Повесть рассказывает о жизни ребенка детского дома, переживаниях, детских приключениях, и нелегкого принятия в свою семью.

Сестра моя вселенная

Проснувшись утром, я вижу влажные пятна на подушке – мне снова приснился один из дней моего далекого детства…

…Я живу в детском доме и нахожусь в комнате младшей группы.

Все дети играют на улице, а я все копаюсь в своем шкафчике и не могу выйти. Вдруг ко мне подбегает Ася, моя старшая сестра, она очень взволнована:

– Тома, пойдем скорее! – говорит она. – К нам мама пришла!

Её радость передается и мне, счастливой волной захлёстывает нас обеих, мы обнимаемся и смеемся. Ася быстро находит мое платье и одевает меня.

Я сижу на стульчике и не могу надеть сандалики, путаясь, где левый, а где правый. Неуклюже пытаюсь натянуть их на ножки, но ничего не получается, всё мешает – животик, коленки, руки. Мне очень хочется ласки и внимания, и я капризничаю, тяну время.

– У меня лучки маленькие, – придумываю я.

Ася торопливо, как обычно делают старшие дети, помогает мне, заботливо поправляет платьице и целует, целует, затем берёт за руку и ведёт к маме…

Моей сестре уже пять лет. Она в том же детдоме, воспитывается в старшей группе, и ей разрешают видеться со мной. Ася приходит с подружками в нашу группу, выбирает лучшие игрушки и мы играем.

Чувствуя её присутствие и заботу, я расту спокойным и послушным ребёнком.

Я сейчас совсем не думаю, куда мы идем, главное – Ася рядом. Она кажется мне умной, большой и взрослой!

Меня охватывает чувство гордости. Я оглядываюсь на своих подружек, оставшихся позади, очень хочется, чтобы они увидели, какая у меня сестра, и именно в этот момент осознаю, как сильно её люблю!

Эти светлые чувства растут во мне с каждой секундой, наполняют меня теплом, и я слышу стук своего сердца.

Мы идем к маме! Как хорошо, что у меня есть сестра! Я очень стараюсь шагать с ней в ногу, путаюсь, спотыкаюсь, но крепко держу ее руку и не отпускаю. Эти счастливейшие мгновения будут поддерживать меня в тяжелые моменты своей чистой живительной силой, будут согревать израненную душу, успокаивая целебным светом моей детской безмерной любви.

По дороге я проявляю любопытство:

– А наша мама доблая? Ты помнишь, какая у нас мама?

Я смотрю на неё, затаив дыхание, и жду ответа.

– Томочка, наша мама – самая добрая и самая лучшая на свете! – Глаза сестры светятся нежностью и любовью.

– Наша мама плишла за нами, чтобы домой заблать? – картавлю я.

– Нет, маме сейчас трудно, наверное, она не сможет нас пока взять…

Я рада встрече с Асей и совсем не обращаю внимания на ее грусть.

– Тома, ты совсем-совсем ничего не помнишь? – спрашивает она.

Я утвердительно киваю. Ася терпеливо отвечает на все мои нескончаемые вопросы.

– Ты была совсем маленькая, когда папы не стало, вот та-ка-я, – она показывает руками, какая я была, и продолжает:

– А я потом сюда пришла, через год. Ты была здоровенькая, поэтому тебя взяли первую. Как я хочу к маме, как я хочу домой, – она вытирает ладошкой слёзы, катящиеся по лицу. – Сегодня я попрошу маму забрать нас, – обещает мне сестра.

Это обещание, скорее желание, я часто буду слышать. Здесь все дети так говорят.

В детский дом я попала совсем крохой, поэтому не помню никого из родных, и моей вселенной была моя сестра Ася.

Прошло много лет, но память восстанавливает детали, все яркие моменты, прожитые в детском доме, возвращая мельчайшие подробности и того дня, когда я почувствовала глубокую связь с сестрой, единственным человеком на земле, который в самый сложный период жизни был рядом.

Большая булочка

Мне четыре с половиной года. На дворе – знойное лето. Наша средняя группа купается в бассейне. Детское веселье кипит, переплёскивая через край. Радостные крики и озорной смех ребятишек перекрывают шум воды и голоса воспитателей. Июльское солнце нещадно палит, и мы с удовольствием

барахтаемся в воде. Восторженные вопли летят за пределы бассейна и разносятся по всей территории детского дома.

Вода тёплая, голубая, прозрачная, и дно бассейна хорошо просматривается. В жару бассейн, словно магнит, притягивает к себе детей и нет желания из него выбираться. Не каждый день получаешь столько радости. Обычно воспитатели подстраховываются: мало ли что, детей много, за всеми не уследить…

Я тоже учусь плавать, не отстаю от шустрых мальчишек и повторяю каждое их движение. Вода по грудь, утонуть невозможно. Разноцветные брызги разлетаются во все стороны, попадают в рот, глаза, уши. Ребятня кричит от восторга. Зажав нос, ныряю, достаю дно, поднимаюсь и в этот момент получаю удар по голове.

Прихожу в сознание. Кто-то настойчиво меня теребит. Это воспитательница. Вижу её смутно, словно за стеклом. Она что-то говорит, но что – понять невозможно. Наконец, слух возвращается.

– Томочка, слышишь? Томочка, к тебе мама пришла!

Мама?! Какие прекрасные слова! Ко мне пришла Мама!

Это уже было, давно, мама приходила, когда я была еще в младшей группе. Нет, мне послышалось! Я сплю.

– Томочка, очнись! Тебя ждут.

Директор детского дома Екатерина Порфирьевна требовала от воспитателей ласкового обращения с маленькими воспитанниками, и нас также учили обращаться друг к другу: Томочка, Вовочка, Асенька!

Воспитательница приводит меня в чувство и надевает на меня нарядное новое платье. Она не замечает, что я не в состоянии быстро двигаться после неудачного ныряния и сильно нервничает на ходу причёсывая мои волосы. Что происходит? Куда меня торопят, куда ведут за руку? Обычно в красивую одежду детей наряжают в случаях, когда приходят фотографы из местной газеты и, по большим праздникам, для родителей, если они, конечно, у детей есть.

В начале шестидесятых годов в детских домах на столах не всегда было в достатке хлеба, что уж тут говорить об одежде. Всё лето для закаливания дети бегали в трусиках, маечках и панамках.

Меня часто фотографировали для какой-нибудь местной газеты, и я позировала: то сачком ловлю бабочек, то кормлю рыбок в аквариуме. Мне это нравилось, потому что съемки проходили во время тихого часа и не нужно было притворяться перед няней, что сплю и два часа вылёживать в кроватке с закрытыми глазами. У других девочек стрижки были под полубокс, а мне на лето оставляли кудри, потому что я очень фо-то-ге-ничная. Слово непонятное, но проговаривать его не трудно, нет букв «р» и «ш». Когда я говорила, меня замечали, брали на руки, и игриво спрашивали: «Как тебя зовут, девочка? – Томой зовут!

– И сколько тебе лет? – Много! И показывала на руках пальчики, на всякий случай, прибавляя к ним еще один! Я очень больсая!» – уверяла я всех серьезно. Взрослые смеялись и говорили: «Какой умный ребенок, какая сладкая речь!», а наигравшись, оставляли. Забавные эти взрослые, зачем задавать столько вопросов. Лучше бы конфеты принесли. В детском доме полным именем Тамара меня никто не называл, здесь у детей короткие имена, так их легче произносить.

Память постоянно возвращает меня, уже взрослого человека, к годам, прожитым в детском доме. Многого я не понимала, но сознание фиксировало…

Как-то нас привезли в большой концертный зал, и меня попросили станцевать казахский танец. Что такое казахский я не понимала, и вспомнив все танцы какие знала, собрала все это в одну кучу и с увлечением стала вышагивать и выворачивать руки, вспоминая красивые движения учительницы по танцам. Но музыка закончилась и я поклонилась, и только тут обнаружила, что стою не на сцене, а внизу, в зрительном зале, где полно народа – красивых, ярко накрашенных, шикарно одетых тётенек и больших дяденек. Они все были на одно лицо, и я никак не могла различить их. Все эти люди казались мне внушительных размеров. Это было подобно эффекту от просмотра кино. Где все на экране увеличены в десятки раз. Видеть так сразу много людей, было удивительно. Я привыкла к маленьким лицам, маленьким стульям, маленьким кроваткам. От неожиданности я сунула палец в рот и громко заревела. Аплодисменты долго не смолкали, люди хлопали стоя.

В памяти порой всплывают случайные истории и картинки. Меня хотела удочерить одна очень красивая дама. На ней был длинный плащ, от неё пахло духами. Она весь день, как куклу, носила меня на руках, а когда ей отказали в удочерении, угостила конфетами. Съев немного, я бережно понесла оставшиеся шоколадные камушки к себе в группу, но бумажный кулёчек порвался, и часть конфет высыпалась на дорогу.

За детским домом был пустырь, где местные жители пасли баранов. Мы с подружками иногда играли там, и теперь подбирали бараньи камушки, путая их с конфетами: нам так хотелось найти те, которые я рассыпала.

…Наконец воспитательница подводит меня к незнакомым людям.

Я вижу Асю. Она сидит на скамейке вместе с женщиной, а рядом бегают дети. Ася радостно машет рукой и зовёт:

– Тома, иди сюда скорее, наша мама и братья пришли!

Вцепившись в руку воспитательницы, я не двигаюсь. Меня тошнит от воды, которой наглоталась в бассейне. Видя мою нерешительность, меня легонько подталкивают вперёд. Женщина, которую сестра назвала мамой, садится передо мной на колени, крепко обнимает и в исступлении целует лоб, щеки, нос, торопливо разглядывает моё лицо, повторяя:

– Кызым, менін кызым!

Она вытирает глаза кончиком платка, покрывающего её голову. Я чувствую полузабытые запахи, и меня это тревожит.

Я боюсь её. Мне хочется уйти, оказаться там, откуда доносятся весёлые крики товарищей, но Ася берет мою руку и уговаривает остаться:

– Тома, это наша мама!

Доверившись сестре, я немного успокаиваюсь. Ася поднимает меня на руки и сажает на колени мамы, все время повторяя:

– Томочка, ты забыла, вот это – наши братья, – и показывает на мальчишек, бегающих рядом.

Загоревшие пацаны носятся вокруг. Я их не помню. Женщина открывает сумку, из неё очень вкусно пахнет. Наверное, здесь лежат гостинцы, все мамы их приносят. Я вижу пирожки, яички, семечки, пряники, большую булочку с блестящей коричневой корочкой, а под ней лежат шоколадные конфеты.

– Ешь, доченька, ешь, моя маленькая. Бери, что хочешь! – она перебирает гостинцы, подкладывая их мне.

– Кызым, тебе здесь хорошо? Никто не обижает? – спрашивает она, всматриваясь в моё лицо, и целует меня.

Не зная, что сказать, просто качаю головой. Мне незнакомы эти люди, ещё чуть-чуть – и я заплачу, только сестра и конфеты в сумке останавливают меня.

– Мама, не беспокойся, мы с подружками часто навещаем Тому, говорит Ася, ласкаясь к женщине.

Она ни минуты не сидит спокойно: то бегает за братьями, то садится на скамейку, чтобы рассказать маме свои новости.

– Конечно, доченька, ты ведь старшая. Тамара совсем маленькая.

Кто ещё здесь за ней присмотрит? – кивает одобрительно она. – Как появится у меня возможность, я обязательно заберу вас, – обещает мама.

Воспитатели заранее предупреждают родителей, чтобы те не расстраивали детей. Родные уходят, а дети потом плачут в кроватках, вспоминая встречи. Мы с сестрой были в том возрасте, когда ребёнок нуждается в родительской ласке каждый день, и мама вытирает слёзы украдкой.

Я попала в детский дом в 1962 году, когда стала делать первые шаги. Приют находился на самой окраине Шымкента. Мама родила меня в двадцать пять лет. По счёту я была шестым ребёнком, двое старших детей умерли.

Отец, Умбетов Егизбек, казах, относился к старшему жузу, из рода Кара батыр. Был участником Великой Отечественной войны, награждён орденом Славы третьей степени, имел медали за боевые заслуги. До войны работал шахтёром, после войны, в 1946 году, устроился строителем в родном селе Шаян. А маму звали Шаштыкуль. Отец, высокий, стройный зеленоглазый красавец, повстречал её в ауле, который назывался тогда Китаевка, Южно-Казахстанской области, где и поныне проживает род Карагай Шокай. Маме шёл шестнадцатый год. Весёлая, острая на язык, она сразу пришлась ему по душе своей жизнерадостностью. Думаю, моя мама была счастлива в браке.

По воспоминаниям соседей, ей завидовали все девушки папиного аула. «И чего он в ней нашёл? Маленькая ростом, как пуговка, – удивлялись они. – У нас что, красавиц своих нет?» Вскоре из-за болезни отца не станет. Он не узнает о родившемся сыне. Потеряв единственного кормильца, наша семья будет умирать от голода. И чтобы прокормить четверых детей, беременная пятым ребёнком, мама устроится работать на тридцать рублей в больницу санитаркой. Уходя на работу, она оставляла младших детей на старшую семилетнюю дочь. Беда не приходит одна – от голода заболеют туберкулёзом старшая сестра и брат. Родственники, видя положение семьи, решат отдать нас, младших девочек, в детский дом, оставив старшую сестру и двоих братьев дома.

Казахские семьи в тяжёлые времена часто так поступали: чтобы сохранить род, мальчиков оставляли, а девочек отдавали на воспитание в чужие семьи или детские дома. У всех моих сестёр и братьев были казахские имена, а вот мне отец дал имя Тамара. Будучи уже взрослой, я часто спрашивала маму, почему у меня не казахское имя.

Она говорила, что это имя врача, которая принимала у неё роды во время моего рождения, а иногда рассказывала, как отца на войне в 1945 году ранили, и его спасла женщина, не то немка, не то полька, а может, и украинка. У мамы было три класса образования, и она часто путала национальности. Но об этом я узнаю позже, через много лет.

…Ася обнимает маму и спрашивает:

– Мам, когда ты заберёшь нас? Я столько уже всего умею и знаю!

Заметив порванные сандалии на ногах сестры, мама говорит:

– Доченька, в следующий раз я привезу тебе новую обувь.

– Мама, ты лучше забери нас, не трать деньги, они нам еще пригодятся, – поучает она и ласкаясь, Ася вновь и вновь напоминает о своей просьбе.

Я сижу у мамы на коленях и не могу сдвинуться с места – моя привычная храбрость куда-то исчезла. Очень хочется гостинцев. Я смотрю на конфеты, что лежат под булочкой. Мама замечает, вытаскивает булочку из кулька, и сует мне её в руки. Есть мне не хочется, но я робею и не могу произнести ни слова.

Потом я ем булочку, и мама плачет, снова обнимает и целует, что-то на мне поправляет словно хочет запомнить свою маленькую дочь. Она о чем-то всё спрашивает, заглядывая в лицо, а я жую и молча гляжу в пол.

Приезд родителей для детдомовских детей всегда целое событие, эти моменты они запоминают на всю жизнь.

Сегодня я ощущаю себя маленьким ребёнком и нахожусь в центре внимания и любви. Непривычное это чувство. Я никак не могу избавиться от своей робости и терпеливо переношу игры братьев. Они по очереди носят меня на руках, целуют и обнимают, умиляясь своей сестренкой, и любой каприз мой выполняется. Но я не помню этих мальчишек и все дуюсь и дуюсь, не понимая, что теперь не скоро их увижу.

Никогда не думала, что одному ребёнку можно уделять столько внимания.

В детском доме дети быстро взрослеют. Им нельзя оставаться долго малышами: здесь некому любить, лелеять, оберегать. На тридцать малышей один воспитатель и няня. Бывает, понравится воспитательнице малыш – и она его балует, приносит конфеты, берет на руки.

Для малыша это большая щедрость. Он воображает себя любимцем, ведь на руках носят только мамы. Но эта любовь недолгая, и надежды не оправдываются. Кудрявые волосы, красивые глаза больше не нравятся никому и его опять укладывают в кроватку. Но ребенок не кукла, и сердечко только сильнее стучит, в нем поселилась надежда, он ищет ее, ждёт. Как же так? Его целовали, обнимали, а потом забыли. Какой наивный малыш. Он не знает, что рожден жить без мамы. Не знает, какое блаженство открывать глаза и видеть ее

улыбку, чувствовать прикосновение ее тёплых рук. Судьба не улыбнулась ему, готовя горькую участь вечного одиночества. Наступают сумерки, и сердце разрывается от страха. Где ты, мама? Мамочка! Когда я вырасту, ты будешь самым любимым человеком на свете! Но зов крохи никто не слышит. Разрывающий душу плач будет раздаваться в ночи, пока нянечка одним шлепком не прекратит страдания, и малыш не забудется в тяжёлом сне…

Чужие люди часто приходили в детский дом, мы тянули к ним руки. А вдруг повезёт, приметят, и кто-то вытянет счастливый билет, обретёт родителей. На улице мы подходили к забору, и если рядом не было воспитателей, в щели штакетника жалобно подзывали к себе прохожих:

– Мама, папа!

Каждый, кто оказался в плену этого забора, хотел быть любимым.

Долгое пребывание в детском доме оставляет детей недолюбленными, недоласканными, недобалованными.

…А в это время Ася, встав на скамейку, размахивала руками, читала маме стихи, пела песни, которые мы разучивали на праздники, и даже танцевала. Сестре очень хотелось, чтобы мама видела, какая у неё умная и способная дочь.

Она уже три года находится в детском доме. Для ребёнка это целая жизнь. Ася ни на секунду не забывает о маме. Она все ещё надеется, что её заберут домой. Как она хочет домой! Как она хочет жить дома!

Когда был жив отец, сестру любили, баловали. Ее память хорошо сохранила события, происходившие в отчем доме. Ведь здесь она была счастлива. Ну а что могла помнить я? Для меня родным домом был детский дом.

Бывало, темными ночами дети, напуганные отсутствием нянечки, оставившей спальню младшей группы, звали родителей, и я, не знавшая родительской ласки, тоже повторяла за всеми магическое слово «мама» в надежде, что сейчас она придёт и спасёт меня от пугающей темноты.

Пока мы находимся с родными, я никак не могу понять, почему моя обожаемая сестра так волнуется.

Чтобы расшевелить и вытянуть из меня хоть слово, мама заглядывает мне в глаза и спрашивает:

– Доченька, хочешь что-нибудь рассказать?

Пряча лицо за огромной булочкой, надув губы, я снова принимаюсь жевать, усиленно качая ножкой. Помню, во рту все пересохло, и булочка никак не лезла в меня, а я всё думала, с восхищением глядя на сестру: «Вот когда съем булочку, тоже что-нибудь расскажу, и Ася меня похвалит».

Всё, что делала Ася, вызывает у меня гордость, и мне хочется ей подражать. Рассказывать стихи, петь и просто говорить о чём-нибудь.

Но я вдруг напрочь забываю всё, что мы разучивали, чему меня учили.

Вот и пришло время прощания. Воспитатели поглядывают на часы. Сестра заплакала, а потом закричала, не желая расставаться с мамой. Как её не уговаривают, успокоиться она не может. Вторя ей, стали плакать братья. Крик и плач вызывает у меня недоумение. Я не могу взять в толк, почему все плачут, почему моя Ася так кричит, ведь нам оставили вкусные конфеты. В какой-то момент в памяти проясняются события. Я вспоминаю дом, в нем много народу, все одеты в черное, и плач. Это была потеря чего-то очень важного в моей жизни. Воспитательница, заметив, что я тоже собираюсь зареветь в унисон с Асей, сует мамины гостинцы в руки и быстро уводит в группу. Через полчаса я не могу вспомнить лицо мамы, её образ смывается из памяти, и на мне остается лишь мамин запах, напоминающий вкус тёплого парного молока. При воспоминании об этой встрече, я часто винила себя за то, что слишком долго ела булочку и не проронила ни слова. Ведь мама была совсем близко! Как я ждала маму. Ведь не смотря ни на что, я хотела быть любимой. Все дети на земле хотят жить с мамами. Я теперь знала что скажу, когда она снова придет ко мне в детский дом. Я попрошу её забрать меня домой.

Ну, а сейчас, я спокойно и даже радостно уходила к своим подружкам, которые с нетерпением ожидали гостинцев. Все спрашивали, когда нас заберут домой.

– Мама доблая! Она обязательно нас забелет к себе! – гордо отвечала я каждому.

Новогодние подарки и ночные страхи

Тихий час. Дети спят. Не хочется спать мне одной. В спальне так тихо, что я слышу, как стрекоза бьётся в окно. За стеклом листочки опали с деревьев, холодно, вот она и залетела погреться. Мне хочется поймать её и согреть под одеяльцем, но вставать нельзя. Опустив под кровать руку, я нащупываю на полу свои тапки. Достаю один, слюнявлю пальчик и рисую на подошве. Забыв о сне, я очень стараюсь, и у меня получается целый дом. Рисовать во время тихого часа на тапочках приятное занятие. Лишь бы не спать… Подошва быстро высыхает, и рисунок исчезает.

В спальню входит воспитательница. Заметив, что я не сплю, прикладывает палец к губам, показывая жестом, чтобы не мешала спать другим детям. Потом присаживается на край кровати и шёпотом спрашивает:

– Томочка, ты почему не спишь?

Прищурившись, я капризно отвечаю:

– Мой животик болит, он мне спать не даёт.

Она улыбается и тихо говорит:

– Давай я попрошу твой животик не болеть.

Я смотрю на неё, такую красивую, и согласно киваю. Приподняв пижамку, она мягко массирует моё тельце, тихо напевая:

– Вот сейчас наш животик перестанет болеть, и Томочка заснёт.

Поворачивайся на бочок, положи ручки под голову и закрывай глазки!

Я погружаюсь в сон. Мне снится мама. Я чувствую ее нежный взгляд. От мамы так вкусно пахнет! Для меня в этом запахе весь мир.

Ее руки успокаивают, убаюкивают. Я слышу, как она поёт. Вдруг ктото, громко смеясь, подкидывает меня вверх. Я лечу и вижу их двоих – они улыбаются. Точно, это они – мои папа и мама. У меня захватывает дух, и я попадаю в руки отца. Вскрикиваю – и просыпаюсь.

Накануне в детском доме прошли новогодние праздники. Всем детям Дед Мороз принёс подарки и спрятал под ёлку. В кульках много конфет, пряники, вафли, печенье, по одной шоколадке, по одному яблоку и апельсину. Дети безмерно рады и меняются конфетами. Заметив, что мы переели сладостей, воспитательница собирает то, что осталось от подарков, в один большой эмалированный таз и ставит его на кухонный сервант. После праздников шоколад делят на несколько частей и дают на полдник.

Вкусные новогодние запахи волнами ходят по комнатам. Днём это не чувствуется, но ночью сочные яблоки и апельсины источают неповторимый аромат, который проникает в мою постель под одеяло, будоражит чувства и не даёт уснуть. Я пытаюсь угадать, распознать по запаху, какие конфеты остались. Особенно выделяются барбарис, «Алёнушка». Сильно пахнут вафли. Вообще-то в вафлях, я люблю только хрустящую корочку, приторная начинка мне не нравится. А вот большую плитку шоколада ни с чем не спутаешь, я бы от нее ни за что не отказалась и съела бы прямо сейчас! Конфеты так и просятся в мой животик. Что же делать с моим носом? Может, в подушку его спрятать?

Как же я люблю Новый год! Как мне хочется конфет! Я уже большая, если встану на стульчик, то смогу дотянуться до тазика с подарками. Как говорит наша воспитательница, надо подумать!

Ночью меня будто кто будит. Я иду в комнату, подхожу к серванту, встаю на стульчик и дотягиваюсь до заветных подарков.

Достаю конфет столько, сколько могу съесть. Бумажные фантики прячу под подушку. Утром об этом происшествии забываю. Детям свойственно забывать то, что происходит с ними ночью. Эта история повторяется, пока мне не надоедает прятать конфетные обёртки.

Я просто бросаю их под кровать. О ночных похождениях быстро догадываются соседки, и уже вместе за пару ночей мы опустошаем половину конфетных запасов, пока, наконец, воспитатели не догадываются убрать их подальше от наших глаз. Старенькая нянечка баба Шура, убиравшая в спальне, наверное, догадывалась, чьих рук это дело, но меня, как и других детей, за конфеты не ругали. А может, я просто не помню?

Вскоре от сладкого, как сказали воспитатели, у меня загноится средний палец руки. Дети, увидев мою перебинтованную руку, любопытствует, что я чувствую? Мне это нравится, я кажусь себе знаменитостью и стараюсь этим привлечь к себе как можно больше внимания. Демонстрирую свой марлевый кокон, подробно объясняя всем, как сильно он болит. Воспитатели, завидев меня, спрашивают:

– Ну как, Томочка, сегодня пальчик не болит?

Поднимая вверх повязку, чтобы всем было хорошо её видно, я с важностью отвечаю:

– Смотрите, какой большой пальчик, значит, болеть будет ещё долго!

Мои подружки с восхищением смотрят на мой пальчик, а я купаюсь в всеобщем внимании и заботе.

Как мне нравятся такие минуты. Я чувствую себя настоящей героиней.

Нянечки пораньше укладывали детей спать и когда те, как им казалось, засыпали крепким сном, уходили домой, оставляя на всю ночь свет в коридоре. Дети лежали тихо-тихо, боясь шевельнуться. Находясь здесь с ранних дней своей жизни, они уже знали, что если никого нет из взрослых, то хоть закричись, никто не придёт тебе на помощь.

В спальне у малышей всегда была тишина, будто никого там и не было. Были такие дети, которых ночью надо было поднимать на горшок, иначе они писались в постельку. Этим детям доставалось больше всех, и они часто плакали. Ночью, несмотря на лампочку в коридоре, в спальне было темно и страшно. Чтобы не бояться темноты, я крепко-крепко закрывала глаза, чтобы не видеть пугающие тени, бродящие между нашими кроватками, и старалась проснуться только

утром.

Как-то поздней ночью отключилось электричество. Не найдя взрослых, две группы младших детей, напуганные темнотой, выбежали на улицу. Дети стали кричать, но на наши крики никто не отзывался. В посёлке горел свет. Мы дрожали от страха. Что делать? Возвращаться в кромешную тьму детской никто не осмеливался, а идти в посёлок через чёрную степь – далеко и опасно.

Старшая группа, пытаясь успокоить, окружила нас, но видя, что и они напуганы, мы ещё громче заплакали, взывая о помощи. Не зная, кого звать, каждая группа звала своего наставника, а потом хором стали звать родителей.

– Мама, мама, – кричали напуганные дети.

Было очень страшно. Шестьдесят детей стояли в степи и захлёбывались плачем. Это было жуткое зрелище. Оно до сих пор в моей памяти.

Плач услышали местные жители, жившие через колхозное поле, и на лошадях прискакали к нам на помощь.

Вспоминая тот случай, я часто думала, почему мы в ту ночь звали родителей? Ведь многие из нас не знали и никогда не видели их. Видимо, все малыши в мире в момент опасности зовут на помощь своих мам, даже если их у них нет.

Как-то ночью меня разбудил плач. В темноте я пошла на звук.

Пройдя в группу, поняла, что плачут где-то на кухне. Звуки раздавались из кухонного шкафа. Распахнув дверцу, я увидела девочку. Это была Оленька.

– Почему ты в шкафу плачешь? – спросила я.

– Мне страшно! Я боюсь, – и закрыла лицо руками.

Оля появилась у нас недавно. Это была худенькая девочка. Кожа ее была до того белая, что хорошо выделялась синева над подбородком.

Ее часто носили на руках из-за учащенного дыхания, от которого она задыхалась.

Еще некоторое время я уговаривала её вернуться, но она ничего не хотела слушать. Девочка просидела в шкафу всю ночь, я же, охраняя её от чего-то страшного и напугавшего её, уснула рядом. Утром её увезли в больницу. Позже из рассказов я узнала о причинах ночного происшествия. Олегу, мальчику из старшей группы, пришла в голову мысль напугать ночью девочек из средней группы. Проникнуть через кухню в нашу спальню было легко. Олег подкрадывался к кроватям девочек, будил их и страшно закатывал глаза. Мы реагировали на это по-разному: некоторые просто со сна не понимали, в чем дело. А вот новенькую Олю он сильно напугал.

Олега отправили в интернат для детей с задержкой психического развития, и мы больше его не видели. Оленька тоже к нам так и не вернулась. Сказали, что не выдержало сердце. Что это значило, мы ещё не понимали.

Подобные истории чаще происходили ночью. Днём, находясь под неусыпным надзором воспитателя, подчиняя кому-то свои желания, дети скрывали эмоции. Кто с чужим ребёнком будет возиться? Воспитатель, в силу своих обязанностей и ограниченного времени, скорее даст подзатыльник, и малыш, в страхе, что будет наказан, сделает все, что от него требуют.

Потому, особенно в ночные часы, у детей случались всплески неконтролируемых фантазий и эмоций. Вопреки здравому смыслу, мы рисовали красками на столах, раскидывали и ломали игрушки, путали детские поделки, которые сами собирали старательно днём, пачкали и рвали книжки, и один раз даже выкинули свои подушки и напольную дорожку через окно второго этажа. Такое поведение, наверно, было знаком детского протеста против частого насилия над их волей.

Старая карусель

На границе детского дома стояла карусель. Мы часто на ней катались, туда же приходила покататься и местная ребятня.

Из-за долгой эксплуатации конструкция сильно накренилась.

Словно большая каракатица, она переваливалась с одного бока на другой, сиденья приподнимались вверх и затем опускались, вращаясь ещё и вокруг своей оси. Всем детям это нравилось, казалось, что мы медленно плывём по волнам. Старая карусель скрипела, как растянутая сломанная гармошка. Её унылый звук был слышен по всей округе.

Деревянный настил местами прогнил, превратившись в труху.

Увидев карусель, мы упросили воспитательницу нас покатать. Рассадив всех по местам и запретив вставать во время катания, она ухватила поручни сидения, раскрутила карусель и отошла к остальным детям.

Карусель медленно, с трудом, но крутилась. Мне это быстро надоело, и я решила проявить самостоятельность. Я поднялась и шагнула на настил, но, не удержавшись, потеряла равновесие. Сгнившие доски подо мною проломились, и я полетела вниз, оказавшись под раскручивающимся железом. Уже в полной темноте почувствовала, что лежу на вращающемся колесе – между опорами, ведущими к стержню карусели.

Помню охвативший меня дикий ужас. Ржавого цвета доски стремительно проплывали надо мной, а я, зажатая, словно оловянный солдатик, не могла шевельнуться. Мою голову тянуло вверх по направлению верхней вращающейся части карусели. Я ощущала, как миллионы острых колючек, разрывая одежду, впиваются в кожу. Стропила карусели то исчезали, то вновь возвращались, опускались всё ниже и, давя своим весом, сильно царапали тело. Страшная машина крутилась надо мной, угрожая каждую секунду раздавить и разорвать на части. Мне казалось, она никогда не остановится. Кричать и звать на помощь я не могла, рот был забит мусором, сыпавшимся с настила.

Крики детей призвали взрослых на помощь, карусель остановили и вытащили меня из плена. Обезумев от боли и страха, я не могла успокоиться и не переставала кричать. Одежда, перепачканная паутиной и пожухлыми листьями, свисала грязными клочьями. По расцарапанным щекам, усиливая чувство ужаса, что-то все время ползало.

С подбородка хлестала кровь. Бледная воспитательница, обняв меня, сидела рядом, не зная, как помочь.

Мимо на лошади проезжал чабан. Услышав плач ребёнка, подъехал, поднял меня и, успокаивая, посадил перед собой в седло. Вытащил откуда-то помятую конфету. Ещё всхлипывая, я развернула обёртку. И – провал…

Вернувшись через несколько дней из больницы в приют, я всё забыла. Случай с каруселью просто выпал из памяти. Жизнь продолжалась. Я снова стала жизнерадостной и любопытной девочкой. Карусель отремонтировали, заменив на полу старые доски, и мы снова катались на своей каракатице. Карусель нельзя было спрятать в шкафчик под ключ, как новые игрушки после ухода очередной комиссии, и она продолжала радовать наше сиротское бытие. В детском доме нам нередко приходилось держаться за жизнь обеими руками, и мы желали лишь скорее повзрослеть, вглядываясь в незнакомый мир за нашими окнами.

Как-то в зеркале я случайно обнаружила на подбородке рубцы. Перед глазами, как во сне, всплыла больничная палата, уколы, боль и отчаяние. Теперь это было только воспоминание. Что могла сделать воспитательница, повторись это вновь? …

Вот если бы она была моей мамой…

Две березки две судьбы

На площадку у невысокого холма любила приходить моя старшая сестра. Здесь росли две берёзки. Мы называли их «близняшками» – они стояли рядом, и отличить деревья было трудно. Отсюда виднелось колхозное поле, прилегающее к территории детского дома. К осени оно уже вспахано и убрано. Перекопанная земля лежит ровным серым слоем, и можно разглядеть тех, кто подходит к детскому дому.

Ася частенько сидела возле берёзок, наблюдая за происходящим внизу.

Здесь же она ждала и нашу маму. Воспитатели не возражали, когда я ходила к сестре: нас обеих было хорошо видно.

– Папа меня очень любил. Около дома был огород с помидорами и огурцами. Я срывала их, надкусывала и выбрасывала. Отец ругал за это брата, думал, что это он балуется, – вспоминала сестра.

Но мне хотелось играть, и я торопилась к своим куклам.

– А вдруг сегодня мама придёт? Давай подождём, – просила Ася.

– Я играть хочу. Маму мы ждём, ждём, но она все не приходит, – отнекивалась я и убегала.

Сегодня Ася задерживалась, а когда, запыхавшись, прибежала на наше место, я уже собиралась уходить. Она обняла меня крепко и мы подошли к воспитательнице:

– Алла Алексеевна, я сегодня уезжаю и хочу попрощаться с Томой.

– Конечно, ведь вашу группу сегодня везут в другой детский дом.

Надо же, как вы похожи друг на друга: и глаза голубые, и кудри, совсем вас не различишь, только ты худенькая, а Тамара упитаннее, – улыбнулась Алла Алексеевна.

Фразу, что мы с сестрой очень похожи, я запомнила и всегда хранила в своей памяти.

Ася присела рядом, взяла за руки и посмотрела мне в глаза:

– Тома! Нас увозят. – Она говорила тихо, голос её был взволнован.

Ничего не подозревая, я беспечно спросила:

– А ты завтра придёшь?

– Теперь я долго не смогу прийти. Мы будем учиться в школе – с гордостью и одновременно с сожалением произнесла сестра.

– А меня с собой возьмёшь учиться? – захныкала я, стараясь вызвать её сочувствие.

– Нет. Екатерина Порфирьевна не разрешает. Сказала, что ты ещё маленькая и в школу пока рано тебе ходить.

– Тома, запомни, у тебя есть я и мама. И мы обязательно будем приезжать к тебе!

Я не понимала, что она этим хочет сказать, и от обиды, что сегодня не будут играть со мной, продолжала капризничать. Тут подошла Алла Алексеевна и сообщила новость:

– Завтра мы перейдём в комнату старшей группы, и ты, Тома, будешь жить там, где жила Ася.

– Алла Алексеевна, – попросила сестра. – Пожалуйста, присматривайте, чтобы никто Тому не обижал.

Меня будто током ударило, земля под ногами завертелась, а слова « не обижал» ввергли в панический страх. Я стала понимать, что, кажется, я больше Асю не увижу.

Грузовик сигналил, не переставая, напоминая провожающим, что машина вот-вот0 тронется. Это ещё больше напугало меня. Обняв на прощание, Ася побежала. Я бросилась за ней вдогонку, споткнулась и упала.

– Ася, Асенька-а-а!!

Подошла воспитательница, подняла меня и стала стряхивать пыль с платья.

– Помогите, помогите догнать Асю! – кричала я. – Я не хочу здесь без нее оставаться.

Мой голос сорвался и осип. Я не слышала его. Было очень больно.

Меня разрывало страшное чувство. Опять. Я вспомнила его. Нет, такого не может быть. Где моя Ася?! Куда она пропала? Воспитательница, оглядываясь на детей, нерешительно топталась на месте. Когда мы наконец подошли, грузовик с детьми скрылся из вида.

– Аллалексевна-а-а! Моя Ася уехала-а-а. Я больше не увижу её…

Это был один из самых тяжёлых моментов моей жизни. Маленькой жизни, которая только начиналась.

Обычно провожать близких детдомовским не разрешали. Ребят увозили тихо, незаметно, чтобы не травмировать детскую психику.

Но в этом году старшая группа настояла на прощании с оставшимися братишками и сестрёнками…

Провожавших было много: дети разных возрастов, нянечки, воспитатели прощались со своими воспитанниками.

Всё произошло так быстро, что не все дети успели осознать горечь потери. Машина растворилась в дорожной пыли. Наступила тишина, прерываемая редкими всхлипываниями детей и взрослых. Наставники уводили своих воспитанников, обещая, что когда они подрастут, то обязательно встретятся со своими близкими.

Малыши думали, что завтра снова всё будет, как прежде. Но случилось то, что на долгие годы, а может, и навсегда разъединило детей.

Этот день разнес нас в разные стороны и остался незаживающей раной в душах многих ребят. Грузовик увозил самое дорогое, что у нас было, – старших братьев и сестёр, нашу любовь, защиту. Прервалась нить, которая соединяла нас и напоминала о том, что мы не одни. Не все уехавшие в тот день дети воссоединятся с родными.

Увезли Асю. Во мне всё бунтовало, искало выхода от невыносимой тоски и боли. Не хотелось никого видеть. Покой и безмятежность исчезли. Я не хотела здесь больше оставаться, убегала за ворота и искала сестру.

Меня уговаривали, наказывали, ставили в угол, но всё было бесполезно. Мой характер резко изменился. Я капризничала, упрямилась, становилась несносной по любому пустяку. Теперь никто не узнавал того беспечного, весёлого ребёнка, каким я была до того дня, как забрали Асю.

Вставая утром раньше всех, я торопила воспитателей скорее вывести нас на прогулку. Другие дети спокойно играли, а я убегала к нашим берёзкам.

Упрямство моё было невыносимым. Однажды ко мне подошла директор детского дома. Женщина в годах, чуть полноватая, белоснежные кудри и добрая улыбка на лице. К детям она относилась так, будто каждый ребенок был ее собственным. У нее обязательно кто-нибудь из детей сиделна руках. Екатерина Порфирьевна присела возле меня, пытаясь успокоить, на груди сверкнул крестик. Увидев ее, я стала кричать:

– Почему вы мою Асю увезли? Где мои папа и мама? Почему я не с Асей?

Не отрывая от нее взгляда, я ждала ответа на мучившие меня вопросы. Екатерина Порфирьевна обняв меня, грустно ответила:

– Асе пришло время учиться в школе. Вот когда ты подрастешь, тоже будешь учиться. У тебя, Томочка, есть мама, она тебя очень любит и как появится возможность, придет к тебе, а вот папа смотрит сейчас на вас с небес.

Хоть я и была маленькая, но не раз слышала от воспитателей, что не все наши родители живут на земле.

Я хотела узнать, когда увижу сестру и продолжала выпытывать все, что знала Екатерина Порфирьевна.

– Значит, когда я вырасту, меня отвезут в школу и я встречу Асю?

– Да, Томочка! Но чтобы быстрее расти, надо хорошо кушать и крепко спать.

Как мне хотелось, чтобы моя Ася опять была со мною!

Однажды днём я заснула и увидела сон. Я кого-то ждала, и вдруг появился человек с большими белыми крыльями за спиной.

– Ты Ангел? – спросила я.

– Да! Я охраняю тебя.

– А может, ты и мой папа. Помоги найти мою маму и Асю, и мы будем вместе жить. Ты ведь летать умеешь, сверху всё видишь.

– У меня таких прав нет, – ответил Ангел. – Но я обещаю, что всегда буду рядом и буду оберегать тебя от всех бед!

– Жаль, что не все папы могут жить на земле – сказала я и горько заплакала.

– Не плачь, малыш, когда твои крылья вырастут, ты всех найдёшь и будешь счастлива.

– Да, – подумала я, – ангелам, наверное, нелегко все время охранять детей. Им надо и поспать, и поесть. А вот когда они отлучаются по личным делам, тогда с детьми и происходят всякие неприятности и беды.

Через месяц мне принесли письмо от Аси, сказали, что специально съездили к ней. В письме она писала, что у неё все хорошо, она учится в первом классе, сильно скучает, любит меня и скоро навестит. Я продолжала ждать, моя рана медленно заживала, но время тянулось, а сестра все не приезжала.

…На нашем холме деревья-близнецы трепетно касались друг друга ветвями, будто держались за руки. Их маленькие листочки переливались на солнце, и мне казалось, что они светятся от счастья. Я засмотрелась.

– Деревья уезжают? – спросила я воспитательницу.

– Деревья не могут передвигаться, их ноги – корни. Им нужна земля, иначе они погибнут.

– Почему я не родилась деревцем?

Алла Алексеевна возразила:

– Твоя судьба, Тамара, вырасти и стать человеком!

Бедная Алла Алексеевна, она и не знала, что быть человеком очень больно, особенно когда ты маленький, и у тебя вместо корней ноги.

Детский дом № 6

Детство пролетело быстро и пришла пора идти и мне в школу, и теперь уже увозили мою группу. Нас, одетых в новую одежду, посадили в грузовик, рядом сели воспитатели, и машина тронулась. Сначала от поездки все были в восторге, с интересом разглядывали окрестности. Городские дома, похожие друг на друга, высились пятиэтажными рядами. Вдоль асфальтированных улиц стояли фонари. Клумбы с цветами пестрели красками и поднимали детям настроение.

Струи фонтанов весело взмывали в небо. Всё было нам вновь, и только клумбы с розами напоминали о детском доме. Машина в дороге будто убегала от собственной тени. Дети, устав, притихли. Кто-то стал нюнить и проситься назад. Впервые нас везли так далеко.

Чтобы как-то отвлечь, воспитатель стала рассказывать о городе, о его особенностях, но её уже никто не слушал, страх перед неизвестностью не давал покоя.

Наконец, к полудню машина подъехала к большим воротам. Водитель посигналил, и ворота медленно отворились. Нас привезли в детский дом №6.

Увидев незнакомое место и чужих людей, дети испугались и заплакали, и воспитатели, чтобы успокоить новых воспитанников, стали быстро передавать нас на руки тем, кто стоял внизу. Подошли дети постарше. Одеты они были все в одинаковую одежду, которая отличалась только по цвету: мальчики – в голубом,

девочки – в жёлтом.

Стрижки на голове тоже одинаковые, только у девочек волосы чуть длиннее. Всех прибывших покормили, а затем отвели в отдельное помещение. Наши воспитатели, попрощавшись, уехали.

Детский дом №6 находился в центре города Чимкента.

Его территория была огорожена двухметровым деревянным забором. За ним возвышались пятиэтажные дома, и жителям была видна вся повседневная жизнь детдома. Шёл 1968 год…

У каждой группы было зимнее помещение, где находились учебная комната, столовая и спальня, располагавшаяся на втором этаже.

Был свой игровой участок и летняя беседка. Заканчивалась террито рия детского дома садом, огородом и хоздвором с прачечной и баней.

За забором протекала речка Кошкарата.

В июне воспитанники переходили на летний режим. Огромной буквой «П» на специально отведённой территории под спальный лагерь, ближе к главным воротам, ставилась большая брезентовая палатка, и дети все лето спали на открытом воздухе. К осени кровати и постельные принадлежности вновь переносили в тёплые помещения. На тот момент воспитанников в детском доме было сто человек. По возрасту они были разделены на три группы – старшую, среднюю и младшую.

Корпус средней группы стоял в сторонке, под окнами был маленький сад из четырёх яблонь, придававший казённой обстановке немного тепла и домашнего уюта.

Режим и для нас, шестилеток, был общий. Подъем в 7:00, 15 минут зарядка, заправка постели, умывание, уборка территории, завтрак, ровно к 8 часам утра школа… Школа находилась в 15 минутах ходьбы.

Условия с прежним детским домом не сравнить. Здесь с детьми не возились, да и мы считались уже немаленькими. Каждый сам гладил свою школьную форму, чистил обувь, пришивал пуговицы, убирал за собой. Ежедневно назначались дежурные по территории, столовой, уборке помещения. И нужно было подчиняться беспрекословно. После школы – обед, уроки, ужин. Отбой – в 21:30.

Мы трудно привыкали к новым условиям. Детдомовский режим в те времена мало чем отличался от детской колонии, за спиной наставников младшими управляли старшие воспитанники. Так было удобнее поддерживать дисциплину. Дети, не знающие ласки и любви, – беспощадные воспитатели. Нужно было все успеть, и малыши, чтобы не получать подзатыльники от старших, работали с ними наравне. На возраст скидки не было никому.

Я была неуклюжая и всё, что ни делала, делала медленно. Мне очень хотелось ласки. Достаточно было сказать «Томочка, сделай вот так!«, и я вприпрыжку бы сделала все, что от меня хотят. Но на уговоры здесь время не тратят. Сколько слёз я пролила, помнят только стены детдома.

Наказывали за любой проступок. Кажется, не было дня, чтобы не плакала. Дети в детских домах не плачут, они кричат от несправедливости или громко ревут, чтобы хоть кто-то услышал и заступился. А мне за упёртый характер доставалось днём и ночью, и кличка моя была «белуга». «Чего ревёшь, как белуга», – слышала частенько я в свой адрес. А ещё прозвищем «заводская труба» меня наградила наша молодая воспитательница Яля за громкий плач. Она была из бывших воспитанников. Жёсткая, не знающая жалости ни к кому, – такой вот «психолог» детских душ. Когда она видела меня плачущей, говорила: «Ну вот, заводская труба зовёт на работу». Лишний раз нельзя было пошалить, задавать вопросы, а тем более возмущаться. За это били…

Но человек привыкает ко всему. Ребёнок, не зная другого к себе отношения, принимает насилие как данность. Как-то одна девочка получила двойку, воспитатель раздела её и заставила стоять на коленях всю ночь. Стояла зима, форточка была открыта. Утром девочку увезли в больницу с двухсторонним воспалением лёгких. С тех пор она часто теряла сознание и была самой слабой воспитанницей в детском доме.

Ане из нашей группы старшеклассницы на спор выкручивали руки, проверяя ее выдержку, она умела каким-то образом подавлять свою боль. Как мы ей завидовали!

А вот как прошел один из дней моего рождения. Утро. Все давно встали, а я все лежала на кровати и разглядывала арабески на стенах детской. Это была работа японских военнопленных. Их в послевоенное время можно было часто встретить в нашем городе. Этими узорами была разрисована вся внутренняя облицовка зданий детского дома. Глядя на рисунки, я думала о том, что мне сегодня подарят.

Обычно подруги дарили открытки, камешки, ручки, красивые пуговицы, зеркальце. Состояние праздничной эйфории длилось весь день.

Надеясь услышать поздравления и получить подарки, я подходила к старшеклассникам, к воспитателям и даже к учителям и говорила:

– А у меня сегодня день рождения! –. Я говорила об этом событии на каждом углу и принимала поздравления, словно королева, чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Мне так нравилось внимание, наверное, поэтому я больше всего любила именно этот день.

В детском доме в день рождения воспитанника было принято поздравлять ребенка, какого бы он не был возраста. Именинника поздравляли друзья, дарили подарки.

Но в этот раз с утра все пошло не так. Ко мне подошла старшеклассница Уля и потребовала заправить ее кровать. Было не до нее.

Ведь это мой день, у меня сегодня именины. Пока я мечтала и летала в облаках, она взяла три увесистые книги и ударила меня по голове.

Удар был такой силы, что непонятно, как череп не треснул.

Мы быстро теряли здесь наивность и доверчивость. Девочки дрались не хуже пацанов. Жизнь в детском доме была нелёгкой, и стрессы ожидали ребенка ежедневно.

В среднюю группу стали поступать новенькие. Сначала появилась Галя. Девочку нашли возле погибших родителей. На её глазах родных сбил самосвал. Авария была страшной, обезображенные тела родителей до приезда скорой и милиции

лежали на дороге, а Галя долго ещё не могла прийти в себя от полученного шока. Я хорошо запомнила её большой лоб, на котором пролегли морщины, любая мимика лица превращала её в маленькую старушку. По ночам она плакала и звала маму с папой. Потом потихоньку стала забывать этот жуткий кошмар. Детская среда лучше всего лечит израненные души. Но я не помню её улыбки.

В сентябре, в начале школьных занятий, появился Серёжа. Его нашли на вокзале. Фамилии своей он не знал, и ему дали фамилию Неизвестный. Он постоянно хотел есть. Мы сидели за одним столом и пользовались этим, незаметно меняясь тарелками. Сережа нас выручал, съедал свою порцию, а потом принимался за наши.

Затем привезли Севу. Его нашли брошенным на стройке, и когда его мыли, кожу оттирали кусочком кирпича. Учился он легко. Был сообразительный и способный, математику мы все списывали у него. Примеры и задачи щёлкал как семечки, первым выполнял домашние задания и бежал играть на улицу, а мы только с завистью смотрели вслед.

Мы учились в первом классе, а в нашу группу все прибывали и прибывали дети разных возрастов. Сестёр Маисовых, Гулю с Галей, оставили у нас, а братика и двух сестрёнок отправили в младшую группу. В этой семье отец убил свою жену на глазах у старшей дочери.

Девочка успела спрятать всех четверых ребятишек под кровать и держала там до тех пор, пока пьяный отец не уснул. Помню постоянные срывы Гули, её плохое настроение, казалось, беспричинные частые слёзы… Живя долгие годы в детском доме, Гуля ничего не забыла. Тот трагический день оставил ужасный след в её памяти.

Здесь находились дети всех возрастов, и характер и поведение у каждого были разными. Кто-то вел себя очень осторожно, и не дай бог такого ребенка обидеть, весь день малыш будет молчать, будто его нет. Были дети, поведение которых напоминало поведение зайчика.

Стоило воспитателю повысить голос и дать шлепок, такой ребенок не скоро мог прийти в себя и при каждом чихе дрожал. Новенький Саша долго не хотел верить в то, что мамы нет, и каждый день воображал, что она находится рядом.

У меня, например, какие-то тяжелые фрагменты моей жизни просто выпадали из памяти. За мой непокорный характер доставалось каждый день. Как-то старшеклассники избили меня в бане, да так избили, что я пролежала не вставая, три дня. И этот страшный промежуток моего избиения, исчез из памяти. Когда мне рассказали что произошло, я не могла вспомнить. Воспоминания всплывали через какое-то время, когда особого вреда уже не представляли. Эта защитная функция есть у детей, иначе как ребенок вырастет с тем грузом, который не под силу пережить и взрослому человеку. И так было со многими ребятами, которые воспитывались здесь. У многих отсутствовало чувство страха перед физической болью. Им ничего не стоило пожертвовать жизнью, ради спасения друга. Жизнь была на втором плане.

В детском доме у многих воспитанников были фамилии и имена знаменитых людей – учёных, писателей, космонавтов. У одной девочки на тыльной стороне ладони синими чернилами была вытатуирована буква «К». Звали её Куляш. Родной дядя выколол эту букву, чтобы не потерять её, когда отдавал в детский дом, но забыл о девочке навсегда. Мало у кого из детей были живы родители. Почти каждый ребёнок, до того как попасть в детский дом, получил сильнейшую психологическую травму и пережил в своей жизни трагедию[1 - Все имена и фамилии детей кроме главной героини в повести по этическим причинам изменены].

Школа жизни

Школа № 15 в городе Чимкенте носила имя Надежды Крупской. Находилась она за речкой Кошкарата. Это была лучшая школа в городе, а так как она одна была рядом с детским домом, мы учились в ней.

Первое сентября моего первого класса. Мы нарядно одеты: белые рубашечки, бантики, на ногах гольфы. Нас впервые ведут в школу и рядом с нами шагают счастливые дети со своими мамами и папами.

Играет музыка. Всюду школьники с цветами. В чистых коридорах запах краски и свежей побелки. В классе у доски учительница начинает первый урок для первоклашек. Становится душно, и лишь раздаётся звонок, дети с радостью бегут домой. Но на выходе много народу, и мы теряемся среди толпы. Не зная,

что делать и куда идти, ревем в голос. Учительница подводит нас к воспитательнице, та собирает своих у дверей школы и ведёт в детский дом. Восторга от этого дня не помню, наоборот, было чувство, что у тебя опять отнимают свободу. И разница небольшая – здесь школа, а за речкой детский дом.

В первые учебные дни в школу нас водили воспитатели. Дети, сидевшие все свое детство в четырех стенах, и привыкшие ходить как утята друг за другом, строем или за ручку, плохо ориентировались в пространстве и даже потом взрослыми, путали дорогу в малознакомых местах. Воспитатели объясняли, как нужно вести себя в школе, как аккуратно нести портфели, чтобы не разлились чернила. И лишь когда дети запоминали обратную дорогу и возвращались самостоятельно, воспитатели больше не сопровождали. Детдомовские приходили и уходили сами.

В те годы школьники пользовались перьевыми ручками и чернильницами-непроливайками. Чернила заливали в чернильницы, и мы ставили их на дно портфеля. Нас было видно за версту: руки, лица, рубашки и даже портфели – все было выпачкано синими чернилами.

Ведь в драке мы сначала пускали портфели, отбиваясь ими. Влетало от воспитателей каждый день. Мучились с нами долго, пока не научили аккуратно обращаться со школьными принадлежностями. Не было дня, чтобы возвращались хотя бы относительно чистыми.

Карандашей и деревянных ручек хватало дня на три, не больше, они были обкусаны и изъедены до стержней и перьев.

В каждом классе училось по четыре человека из детского дома.

Нас узнавали издалека, дразнили и показывали пальцем:

– О, глядите! Детдомовские идут!

Потасовки с городскими происходили ежедневно, пока все не притёрлись и не усвоили, что лишний раз к нам лучше не лезть – себе дороже. Каждый детдомовец мог постоять за себя. Но домашние дети были совсем другие. Нам они казались чистоплюями, были слабенькими и ранимыми.

Запомнился один случай, сильно удививший меня. Мы возвращались домой, с нами вместе шли мама с дочерью. Я знала эту женщину. Она работала в школе техничкой, а дочь была отличницей в нашем классе.

Девочка всегда выглядела опрятно: заплетенная коса с бантом, белоснежная рубашка, белые гольфы. На нее было приятно смотреть. Лицо и руки всегда чистые. Я всегда удивлялась ее аккуратности.

Мать заметила чернильное пятно на блузке ребёнка и стала сердито выговаривать:

– Какая неряха! Я работаю весь день, чтобы одеть и обуть тебя! Почему ты не жалеешь моего труда!

Чувствуя свою вину, дочь оправдывалась:

– Мамочка, не расстраивайся. Я буду впредь аккуратна и постараюсь больше блузку не пачкать.

Мать продолжала раздражённо подталкивать ребёнка. Я шла за ними и во все глаза смотрела им вслед. Поразила реакция девочки. Почему не возмущается, не огрызается, не даёт отпора, как это делаем, мы? Почему позволяет себя толкать? На её месте я и слезинки бы не проронила. Кого она жалеет? Какие привилегии есть у этой женщины? Потому что она – Мама! Я удивлялась тому, как мои одноклассники произносили это слово. Как трепетно звучало оно из уст домашних детей. Я повторяла и ничего не чувствовала. Мама. Говорят, для матери, нет слаще слышать первый крик её ребёнка. Если бы матери слышали наши крики, не захотели бы рожать. Какая сытая жизнь не была, каждый пятый ребенок в детском доме растет через подзатыльники, тумаки и слезы, оплакивая свое существование, особенно если он не такой как все.

Тот вечер чем-то зацепил меня, но что в нем было особенного? И только за порогом детского дома, я поняла, чем был тот вечер ценен. Семья наставляет ребенка с первых шагов. Родители опекают, дают советы, переживают за его неудачи и радуются успехам. Придет время, и ребенок гармонично вольется в свое общество, как гражданин, у которого есть цели, и ответственность перед родными. А детдомовский ребенок за порогом встает перед дилеммой, – как ему

жить дальше? Детский дом все годы оберегал от проблем. Дети росли не имея житейского опыта, и в самостоятельной жизни становились заложниками режима. Чтобы стать полноценным гражданином, воспитанник сначала проходит через тернистый путь падений и ошибок. Всему нужно учиться в свое время. Опыт выживания и необходимые навыки приходят через многие годы. Своевременные родительские советы очень важны. В тот вечер мать учила свою дочь чистоплотности, бережливости, сочувствию, и состраданию. Девочка видела как достаются родителям деньги, и все понимала. Это был ценнейший материнский урок для дочери Если бы у нас были родители!

Ненаписанное сочинение

Жизнь в детском доме шла обычным чередом, по режиму, отдыхать почти не удавалось: школа и подготовка домашних заданий не давали расслабиться.

Наступило долгожданное воскресенье. После завтрака нас отпустили гулять. Обычно играли мы на площадке и в летней беседке.

Прекрасная осень. День по-летнему тихий, спокойный.

В беседке стоял шкаф для посуды, который мы с подружкой облюбовали для игр в «дочки-матери». Кукол не было, приходилось меняться ролями. Найденную картонную коробку развернули и постелили в шкафу, по очереди укладывая своих «дочек» спать.

Первой мамой была я. Укрыв «дочку» газетой – «одеяльцем», поцеловала её в щёчку и, убаюкивая, стала напевать:

– Спи, доченька! Спи, сладкая! Папа придёт и конфеты принесёт, – складно пела я, ласково похлопывая по её плечу.

Моя подружка, будто маленькая, смешно коверкала слова:

– Мамочка, а вы меня с папочкой сильно любите?

– Конечно! Как можно не любить свою дочу!

Она чмокала губками и капризничала, а я выполняла любые её желания.

Потом настала моя очередь быть «дочей», и вот уже я в шкафу на картонке. Сложив ручки под щёчку, привычно подогнув ноги, крепко зажмурилась, стараясь вспомнить маму. С воспоминаниями ничего не получилось, и я стала просто наслаждаться заботой хлопотавшей рядом подружки.

За беседкой покачивались ветви старой акации. Пожелтевшая листва, казалось, что-то шептала, словно убаюкивая меня в импровизированной колыбели. Тёплые лучи проникали в створ дверей шкафа и мягко ложились на плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Все имена и фамилии детей кроме главной героини в повести по этическим причинам изменены

Купить: https://tellnovel.com/umbetova_tamara/zaberite-menya-domoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити